

ЗНАЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Евгений Прейгерман

Summary

Подписание Декларации о евразийской экономической интеграции 18 ноября 2011 г. и заключение ряда «интеграционных» договоренностей между Россией и Беларусью 25 ноября 2011 г. вызвали огромный резонанс в Беларуси. Последовало множество комментариев о перспективах нового витка постсоветской интеграции. В большинстве случаев высказывалась одна из двух оценок-крайностей: 1) вот теперь-то Беларусь окончательно попала в тотальную/фатальную зависимость от России; или 2) последние события совершенно ничего не меняют в расстановке сил в белорусско-российских отношениях. Представляется, что ни одна из этих оценок не соответствует действительности. Нет оснований говорить о возникновении принципиально новых факторов, делающих евразийскую интеграцию необратимой. В то же время сложно отрицать, что «пространство для геополитического манёвра» Беларуси продолжает сужаться.

Факторы малой перспективности евразийской интеграции

Говоря в целом о сверхамбициозных заявлениях по поводу перспектив постсоветской интеграции, нельзя не заметить, что всё это мы уже проходили. Подписание Декларации о евразийской экономической интеграции и договора о Евразийской экономической комиссии не разрешает многочисленные проблемы, которые явились факторами «буксировки» предыдущих интеграционных инициатив (в первую очередь, СНГ и Союзного государства Беларуси и России).

Во-первых, Беларусь, Казахстан и Россия по-прежнему остаются авторитарными государствами. А авторитарные государства структурно не предрасположены к тому, чтобы объединяться в полноценные союзы с эффективно функционирующими надгосударственными институтами. Сама логика авторитаризма исключает возможность делегирования существенной части полномочий. А значит, технократическая (неполитическая) Евроазиатская экономическая комиссия (ЕЭК) с мандатом на принятие решений прямого действия неприемлема ни для одного из трёх государств.

Во-вторых, новая интеграционная волна носит не экономический, а именно политический/геополитический характер. Если бы основным мотивом интеграционной темы выступали экономические соображения (например, стремление создать привлекательный для внутреннего и внешнего бизнеса таможенный коридор, связывающий Евросоюз и Китай), то у Москвы не было бы никакого резона даже упоминать о возможности политического союза в будущем. Формат Таможенного союза или Единого экономического пространства был бы более чем достаточен.

Апелляция же к политической интеграции в будущем лишь создаёт дополнительные проблемы для экономической интеграции сегодня. Сразу же «оголяются»

несовместимые геополитические интересы государств. Для Беларуси и Казахстана интерес заключается в том, чтобы максимизировать свою выгоду от противоречий между Россией и другими крупными акторами (Евросоюз, США, Китай). А российский интерес состоит в том, чтобы максимизировать выгоду от геополитического контроля над Беларусью и Казахстаном, что, с точки зрения руководства России, необходимо для обеспечения военной, политической и экономической безопасности своей страны. В этих условиях разговоры о будущем политическом Евразийском союзе ведут лишь к тому, что Беларусь и Казахстан получают дополнительные рычаги для шантажа Кремля.

В-третьих, *сохраняются противоречия между национальными бизнесами* (включая государственный). Некоторые секторы белорусского и казахстанского бизнеса заинтересованы в контролируемой открытости своих рынков для российского бизнеса и в максимально свободном доступе на рынки России и, в случае Беларуси, к её ресурсам. Интересы российского бизнеса прямо противоположны. Особые опасения белорусского бизнеса также связаны со вступлением России в ВТО и функционированием ЕЭП в рамках многосторонней торговой системы, в которой нормы и правила ВТО становятся приоритетными по отношению к правилам ЕЭП, что, соответственно, повышает конкуренцию в ЕЭП.

В-четвёртых, *интеграционная риторика (не говоря уже о реальных действиях) со стороны Беларуси будет соответствовать ожиданиям Кремля лишь в случае наличия возможности российского бюджета удовлетворять материальные потребности Минска*. Как только ресурсные потоки (прямые или выраженные в субсидиях и особом режиме доступа белорусской продукции на российский рынок) уменьшатся, моментально изменится риторика белорусских властей, а все процессы начнут «пробуксовывать». При этом такая закономерность будет определять характер белорусско-российских отношений вне зависимости от того, кто будет находиться у руля государств.

В-пятых, *никуда не исчезает проблема крайне низкого уровня исполнения уставных документов и проблема с правоприменительной практикой* на постсоветском пространстве в целом и в пределах интеграционной «тройки» в частности. Задача преодоления этих проблем в ближайшие годы представляется абсолютно невыполнимой даже при наличии у всех сторон соответствующей воли.

В-шестых, в отличие от процесса европейской интеграции, которая на протяжении более шестидесяти лет развивалась по принципу эволюционного перехода от менее амбициозных целей к более амбициозным, в постсоветской интеграции традиционно действует другая логика. Здесь *вначале декларируется некая амбициозная политическая мегацель* (в нашем случае – создание Евразийского экономического союза к 2015 г.), а уже потом под неё стараются «подогнать» решения, соглашения и институты. В итоге вся интеграция остаётся лишь на бумаге.

Сужение пространства для манёвра

В то же время участие Беларуси в новой волне интеграционных процессов, безусловно, увеличивает степень её зависимости от восточной соседки. Несмотря на стремление официального Минска сохранить всю полноту власти на своей территории и хорошие переговорные позиции в отношениях с Востоком и Западом, происходит постепенное сужение пространства для геополитического манёвра. Это не фатальная/тотальная зависимость, однако в будущем она может иметь серьёзные последствия для возможности реализации стратегии «геополитического маятника». Процесс сужения этого пространства активизирован событиями 9 и 19 декабря 2010 г. (подписание в Москве документов по Таможенному союзу и жестокий разгон в Минске демонстрации несогласных с итогами президентских выборов) и был продолжен в ноябре 2011 г.

Постепенное ограничение геополитической маневренности Беларуси обусловливается как минимум тремя факторами.

1. Увеличение кредитной зависимости от России. Только в результате соглашений 18 и 25 ноября 2011 г. долг Беларуси перед Россией (и контролируемые российским правительством структурами) фактически вырастает на USD 11 млрд. Восемнадцатого ноября российский «Сбербанк» и Евразийский банк развития выделили синдицированный кредит в USD 1 млрд под баланс «Беларуськалия» и с дополнительным обеспечением сделки правительственными гарантиями и 51%-м пакетом акций «Нафтана».

Двадцать пятого ноября подписано соглашение о предоставлении Беларуси российского государственного экспортного кредита в размере USD 10 млрд на строительство АЭС. Более того, 28 ноября Евразийский банк развития подтвердил выделение Беларуси USD 440 млн – второго транша в рамках кредита (общая сумма USD 3 млрд) от Антикризисного фонда ЕврАзЭС.

Эти и другие российские кредиты имеют разные сроки и условия обслуживания. Однако такой стремительный рост кредиторской задолженности перед Россией не оставляет сомнения, что в будущем тема возврата, реструктуризации и рефинансирования долга станет существенным инструментом влияния Кремля на внутри- и внешнеполитические решения официального Минска.

2. Медленная, но символическая потеря контроля над активами. На волне возобновления интеграционной риторики Беларусь рассталась с оставшейся в руках государства 50%-й долей «Белтрансгаза». С экономической точки зрения это очень успешная сделка (особенно с учётом фактора «Северного потока»). Однако то обстоятельство, что белорусские власти вынуждены расставаться с геополитически значимыми активами в пользу России, очень символично. Нет оснований предполагать, что российский бизнес стремится купить всю Беларусь. Тем не менее точечное выведение российскими компаниями стратегических активов из-под контроля правительства Беларуси, безусловно, также усложняет официальному Минску задачу внешнеполитического маневрирования.

3. Затягивание проблемы нереформированности экономики. На фоне возврата российских субсидий у руководства Беларуси вновь исчезает мотивация проводить хотя бы частичные реформы и техническую модернизацию производств. А это означает, что будет сохраняться энергоёмкость белорусской экономики, а вместе с ней и существующий уровень зависимости от российских энергоресурсов. Всё это ещё больше снизит привлекательность белорусских активов для инвесторов и до критического уровня осложнит задачу диверсификации экспорта (ввиду неконкурентоспособности белорусских товаров на мировых рынках). Разумеется, что продолжающаяся укрепляться торговая одновекторность обострит и проблему политической одновекторности.

По мере увеличения зависимости по этим трём факторам для Беларуси возрастает и цена (экономическая и социально-политическая) выхода из интеграционных проектов в будущем. Что делает такой выход всё менее вероятным даже в случае кардинальных внутривнутриполитических перемен.

Ещё проблематичнее такой выход в отсутствие полноценных интеграционных альтернатив. У Европейского Союза нет соизмеримого с российским предложения, которое могло бы заинтересовать белорусские власти. «Восточное партнёрство» и Европейская политика соседства (ЕПС) в целом не идут ни в какое сравнение с «интеграционным пакетом» Москвы. Более того, минимальное значение восточного измерения ЕПС для сегодняшней повестки дня Евросоюза (ввиду внутренних

проблем и приоритетности южного измерения в его внешней политике) само по себе сужает пространство геополитического манёвра для официального Минска.

Выводы

1. «Запуск» Единого экономического пространства не снимает традиционные проблемы и противоречия между Беларусью, Казахстаном и Россией. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что новая волна постсоветской интеграции не достигнет декларируемых целей. А значит, процесс евразийской интеграции как таковой не делает зависимость Беларуси от России тотальной и неотвратимой.

2. В то же время на фоне обновлённой интеграционной риторики происходит постепенное усиление зависимости Беларуси от России, что напрямую сказывается на сужении пространства для геополитического манёвра. Повышающаяся кредитная зависимость, точечная потеря стратегических активов и затягивание проблемы нереструктурированности экономики – все эти факторы (плюс отсутствие сопоставимых альтернатив со стороны Евросоюза) ограничивают геополитические опции официального Минска.